

КНИЖНЫЙ МИР

Русские женщины: в литературе и в жизни

Вслед за сборником рассказов современных писателей «Русские дети» (2013) в том же издательстве «Азбука» в Санкт-Петербурге вышел подобно же рода фолиант «Русские женщины» (2014).

Однотипность оформления, ориентированность на сложившийся в основном круг авторов и некая определенность целевых установок, изложенных в кратком предисловии «От составителей», содержат намеки на возможную серийность издания, что не исключает появления сборников типа «Русские старики», «Русские отцы и дети» и т.д. В любом случае появление второй книги в этом антропологическо-семиотическом ряду пробуждает мысль о некоей концептуальности издательского замысла, что уже само по себе не только интересно, но ко многому обязывает

Вступая в короткий диалог с читателем, составители антологического тома предпочитают от сложности проблем, обозначенной в заглавии, уйти под завесу иронии: «...впрямь загадка. В отличие от сути стариков — те словно дети. В отличие от сути мужчин. Те устроены просто, как электрические зайчики на батарее «Дюрасел»... А как устроена женщина?.. Все запутано, начиная с материала — ребро? морская пена? бестелесное существо сна и лунного света?..»

Нет, господа составители-издатели, такого игрового тона означенная проблема не выдерживает, тон и проблема явно диссонировать! Не «ребро», не «пена», а, может быть, предвестие конца современно цивилизации — вот что такое «устройство» современной женщины! К этому ее «устройству» человеческое сообщество упорно шло на протяжении по крайней мере двух последних веков, и сегодня мир приблизился к апогею успехов того общественного движения, которое известно как эмансипация женщины. Всё очевидней становится, что секулярно-просветительский «проект Европа» зашел в тупик, что победа толерантности нигде, может быть, не достигла такой катастрофичности результатов как в утверждении превратно понятых прав женщины и мужчины, их равенства и свободы.

Победа оказалась пирровой: условием достижения «равных» успехов мужчины и женщины в карьере, материальном благосостоянии, выборе жизненного пути становятся неостановимый рост безбрачия, бездетности, одиночества в старости, угрожающий износ человеческого потенциала... Трезвый взгляд на такое «устройство» современной женщины от шуток на извечную в жизни и литературе тему предостерегает. И понимая литературу как зеркало реальной действительности, нельзя не видеть, как заметная сбивчивость издательско-составительских посылов не могла не сказаться если не на полном его искривлении, то на следах некоторого его местного помутнения.

Прежде всего нельзя не ощутить, с одной стороны, панической растерянности многих авторов перед неохватной сложностью проблемы, а с другой, по-человечески понятной, их неспособность противостоять соблазну участия в престижном проекте, в силу чего в значительной части рассказов содержанием становится изложение писательской рефлексии на тему ... поисков путей подхода к теме. Ощущение такой нарративной ловушки не проходит при чтении «Рассказа о рассказе, которого нет» **А. Слаповского**, рассказов **В. Курицына** «Без имени», **А. Снегирева** «Русская женщина»,

Г. Садулаева «Мария»...

Так, герой А. Слаповского писателя Н., получив предложение «написать рассказ о русской женщине для сборника «Русские женщины», от литературных аллюзий типа «коня на скаку остановить» переходит к опыту личной жизни, своим трем женам, включая последнюю, своим женщинам, которых было немало, но которые почему-то мало подтверждают стереотипное представление о долготерпении и всепрощении как доминантных чертах русской женщины, обращается и к социологическим наблюдениям, в которых много общей правды, но нет материала для понимания женской души, не пренебрегает и опросом собственной жены, но убедившись в бессилии овладеть заказанной темой, пытается найти оправдание в «безнадежности и бездонности» мирового пространства. Стоит ли искать ответ на земные вопросы, когда совсем «рядышком дышит всепоглощающий космос. Мы пройдем, а он останется, тупо моргая черными дырами». И умиротворенный вкусом рыбного пирога, приготовленного женой к обеду, а затем и послеобеденной прогулкой по расчищенным тропинкам сада, Н. склоняется к совету жены: «обнаглеть и написать рассказ о том, как не был написан рассказ. Он и появился на страницах книги «Русские женщины», в какой-то степени став знаковым отражением творческого поведения участников проекта — и участием отметить, и большой ответственностью перед заданием себя не обременить.

В принципе рассказ А. Слаповского неплох, только он не столько о современной женщине, скорее о современном мужчине со свойственной ему мерой ограниченной ответственности перед реальной жизнью, его готовностью заслониться от ее проблем сильной, волевой и ответственной женщиной. Скорее больше о социально-этических проблемах современного мужчины, чем женщины, повествует и **В. Лорченков** в рассказе «Большая ошибка». Его герой, тоже писатель, идет на разрыв с любимой женщиной, будучи не в силах снести ее социальное и духовное превосходство. Она красивая, дочь богатых родителей, привлекает ее собственная деловитость и самостоятельность. «Не наигранная, а всамделишная. В семнадцать лет она украла у отца пару тыщенок ... и открыла свой бизнес тайком от него и уже к двадцати владела тремя салонами красоты и двумя магазинами мягкой игрушки. Настоящий пацан в юбке». Но именно на фоне женской самостоятельности усиливаются болезненные комплексы героя, возрастает страх подчинения женской воле и утраты собственного «я». И хотя сам герой добровольный отказ от

соблазнов легкой жизни в расчетливом браке с богатой и деловой женщиной воспринимает и как победу над ней, и как личный триумф, когда «в душе играют все флейты мира», читатель не может не ощутить в этом торжестве какой-то неполноты и ущемленности.

Инфантилизация мужчины и маскулинизация женщины в любом случае предстают как знак вывороченности гендерных отношений наизнанку, разрыва природно-естественных связей мужчины и женщины. Вечная для отечественной литературы мотивно-сюжетная ситуация «русский человек на gendevous» всплывает в новом, совершенно неожиданном обличье, тревожно сигнализируя о нарастающем неблагополучии современного мира. Художественными средствами фантазмагии вскрыта эта проблема в рассказе **В. Богомякова** «Женщина по фамилии Голикова».

Доведенная до отчаяния непереносимыми тяготами женской неустойчивости, героиня вытравляет из своей природной сути все, что мешает ей противостоять жестокости окружающих обстоятельств — и дома, и вне его. В рассказе эти обстоятельства восходят почему-то к «городу Тюмени» постсоветской поры: «В прошлом осталось замужество за толстым мальчиком, сыном большого начальника. Муж ничего не умел и не хотел делать, муж пил, муж сломал мне переносицу...» В прошлом остались доверчивость, уступчивость, надежды на любовь: «Ну а теперь у меня есть дробовик Kel-Tec KSG ... Я сейчас Майкл де Санта и живу в своем доме на Рокфорд-Хиллс... Я больше не боюсь никого и ничего. Я мчусь на квадроцикле, стреляю на ходу, забираюсь на водонапорную башню. Я запрыгиваю с вездехода на крыло самолета...» В конце рассказа читатель узнает, что у превратившейся в мужчину Голиковой есть семья: как положено — жена, дети.

Но не менее запредельно — до самоуничтожения — выглядят усилия современной женщины воспользоваться благами цивилизации, «не боясь никого и ничего», не упустив ни единого из соблазнов потребительского мира и в изображении писателя, работающего в режиме реализма по формуле «типические характеры в типических обстоятельствах». И хотя **П. Крусанов** в рассказе «Это не сыр» специализацию отмечает, что по мнению героя, ведущего повествование, Варя — «создание необыкновенное», в действительности же оказывается, что печальный итог ее жизни является как раз следствием «обыкновенного», т.е. типичного, характерного для современной женщины стремления реализовать себя в предельной полноте ценностей толерантного мира, в духе принятого здесь понимания равенства полов. Кажется, нет такой сферы жизни, где красивая, умная, талантливая Варя не попытала бы себя на разрыв отпущенных ей природой способностей. Филолог, культуролог, просветитель, она буквально горит на работе. Писатель П. Крусанов не пожалел для Вари собственных мыслей о культурных проблемах современного мира, и под ее суждениями об «итоговом либерализме» с его «свободой от смысла» или о роли русского языка, который «крепит страну нашу, как обруч бочку», с готовностью подпишет любой проницательный читатель. Она добивается мастерства и известности в резьбе по кости; что называется, без страха и упрека испытывает себя в экстремальных ситуациях — готова и тигру лапу пожать, и «с перегрузками, с фигурами какими-то пилотажными вверх ногами на высоте висела», и «в прорубь ныряла», «в пещеры со спелеологами спускалась», «на Мачу-Пикчу чуть горняшку не схватила» и только того, к чему

призвана ее человеческая природа, избегает: ее браки сопровождаются абортными и кончаются разводами, жестокие любовные игры обрекают мужчин на одиночество и толкают к самоубийству, возможность нового брака с любимым мужчиной пугает. И странное название рассказа П. Крусанова «Это не сыр» аллюзивно восходит к образу мышеловки, заряженной куском «бесплатного сыра», уподобиться которому боится героиня, оказавшись в браке-ловушке. Кажущаяся несообразности ранней смерти Вари скрытое от прямолинейной логики объяснение пытается дать повествователь, видя несоответствие ее избыточной воли к готовности «оседлать мир» и природному предназначению человека. Когда «набилось внутрь столько раздирающих энергий, что жилы вздулись», тогда уже «не сдерживает давление материал оболочки», и превращается человек в бездушный прах, что и произошло с Варей.

В поисках реального представления об «устройстве» современной женщины не пренебрегают писатели и медицинским документом, и полицейским протоколом, и материалами интернета. Так, не останавливаясь перед использованием средств социологического исследования, **А. Евдокимов** в рассказе «По ссылкам» гендерный перекокс фиксирует как неизбывную данность наступившего времени, покорно смиряясь перед непременным фактом смены координат: «Вот креативнейший наш класс все чешет языками в колонках, блогах и кофейнях своих модных, чешет головы многоумные, гадает: кто же нынче в России НАРОД?..»

А все просто: наш народ — это бабы. Мужики наши не репрезентативны. Мужик — существо в первую очередь социальное, он отвечает за структуру, за мысли и правила, — и его бардак последние девять десятилетий укатал круче. Рассказал. Уничтожил как класс. А с бабами — обычными, типичными, среднестатистическими — все вполне ясно...

И далее следует настоящий гимн во славу все той же «всевыносящей» русской бабы, простите, — женщины, которая теперь всюду «на виду: приемных, офисах, регистрациях и почтовых отделениях, учительских, рекрутинговых, страховых, рекламных агентствах, в салонах связи и красоты... Прагматичные, эгоистичные, приземленные. Кто хамовитой, кто улыбочивой, кто претенциозней, кто прощай, кто оборотистой, кто лоховатой — и в главном они столь же едины, сколь недоступны оценке... Покрикивающие на подобострастных просителей и собственных развязных отпрысков, более или менее снисходительно презирующие беспозвоночных мужей, поголовно обиженные на жизнь».

При столь победном шествии вперед и столь видимых результатах социального укоренения может показаться и необоснованной эта женская «поголовная обиженность на жизнь», но внутренние причины ее как раз и кроются в глубокой разбалансированности современного общества: неостановимое стремление женщины занять «равное» с мужчиной место в «деле» — труде, работе, службе — оборачивается катастрофическим угасанием института брака, и это объясняет, почему в книге «Русские женщины» отсутствует сюжет семейного счастья, счастливой женской судьбы, супружеской любви и верности до гроба, вообще искоренено понятие полной, традиционной семьи, состоящей из матери, отца, детей, зато кристально звучит мотив ухода, разрыва, распада семейных отношений, сиротства и полусиротства детей, женского одиночества. Об этом рассказы **А. Матвеевой** «Девять девятиных», **С. Носова** «Две таблички на газоне», **А. Рубанова** «Вдовья броды», **Р. Сенчина** «Валя» и др.